

Николай МАЩЕНКО

академик НАМ Украины,
лауреат Национальной премии имени Тараса Шевченко,
Почётный гражданин г. София (Болгария),
народный артист Украины, профессор

ДРУГ МОЙ, БРАТ ГЕОРГИЙ...

Штрихи к портрету великого болгарина Георгия Йорданова

...Георгий Йорданов — болгарин воистину милостию Божией.

ГАЛАКТИОН, настоятель Рилского монастыря

...Будучи министром культуры Украины, я вместе с Георгием Йордановым, объехал всю Болгарию. И всюду видел своими глазами и радовался до слёз от того, как болгары любят его; они просто боготворят Георгия за его многогранные усилия и как министра культуры, и как зампреда главы правительства во благо своей страны, её культуры, искусства. На многих многолюдных встречах я убедился, что именно такие сыновья Болгарии делают её народ великим.

Ю. ОЛЕНЕНКО, министр культуры Украины

Георгий Йорданов — это целая галактика на небосклоне болгарской культуры, искусства, духовности.

И если на нём вспыхивают новые звёзды талантов, то их зажигает своей человечностью, многогранной эрудицией Георгий Йорданов.

ДИМИТРОВ, болгарский композитор

...Георгий Йорданов и как человек, и как государственный деятель, действительно дарован волей Божией.

Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ, Народный артист СССР

С огромным, радостным волнением вспоминаю эти слова о Георгии Йорданове. И произнесены они были в моём присутствии, в самых разных обстоятельствах, связанных с именем Йорданова. Через десятилетия, надеюсь, моему другу приятно будет узнать, где, в какой обстановке, к примеру, Смоктуновский произнёс возвышенное слово о нём.

Иннокентий с женой и сыном спускались на машине от легендарного памятника солдату Алёше, а меня министр кинематографии Георгий Караманев вёз к тому же памятнику.

Встретились, вышли из машин, обнялись. Разговорились. Вместе с женой и сыном Смоктуновский спел песню об Алёше. «Из камня его гимнастёрка, из камня его сапоги...»

«Научил нас петь Георгий Йорданов, его жена, красавица Мария, и прелестная дочь. Мы — их гости...», — и, задумавшись, Смоктуновский добавил вышеупомянутые слова.

Исключительно волнующим штрихом к портрету Г. Йорданова представляется мне письмо моей матери, написанное в ответ на письмо Георгия.

По вызову мамы в один день съехались все мы, её дети, слетелись со всех концов на мамин праздник, однако понятия не имели, какой именно. Но когда уселись за празднично накрытый стол, и она появилась, как царица, в ослепительно красивом болгарском костюме, удивлению нашему не было предела. А она, приложив руки к богатому, из сотен монет, ожерелью, не пряча слёз, сказала:

— Не удивляйтесь, не гадайте, откуда у меня этот царский наряд. Его прислал из самой Болгарии Георгий Йорданов. В посылке было и вот это его письмо. Соседка десять раз читала мне его. Всё оно о тебе, Коля.

Я взял письмо, прочитал, чтобы слышали и мои сёстры и братья. Все растрогались до слёз. И, естественно, спрашивали, кто он, этот болгарин Иорданов. Узнав о том, что он заместитель председателя правительства, министр культуры, мама разволновалась не на шутку. Но, справившись с волнением, тихо сказала:

— Кем бы он ни был, но я в письме назвала его своим пятым сыном.

Поставила на стол разные болгарские напитки в очень красивых бутылках.

— Это всё из посылки. Наливайте, будем пить за этого дорогого мне человека.

— Что Вам налить, мама?

— И вино, и коньяк!... — такой радостной видел я её нечасто.

Не забыть мне никогда того домашнего семейного праздника, на котором все тосты были за пятого сына мамы и за нашего брата — Георгия Иорданова. С особым волнением произносил тост самый старший наш брат Ваня. В дни освобождения Болгарии, в Софии, одна учительница подарила ему портрет Христо Ботева. С ним прошёл он до Берлина и после Победы привёз его домой. Этот портрет всегда считался дорогой семейной реликвией и считается поныне.

— Разве я, свинарка, имею право писать письмо такому великому человеку?

— Мама, если вы осмелились назвать его своим сыном, посылайте...

— Ты, Коля, пошлешь. Только я непременно кое-что с соседкой перепишу.

— А почему с соседкой?

— Она понимает меня. Я диктую и плачу, а она пишет и тоже плачет.

Долго они плакали над письмом, а я ещё дольше не отваживался отправлять его. И вот теперь, как особый штрих к портрету маминного пятого сына прилагаю её письмо.

Дорогой Георгий

Получила Ваше письмо из Болгарии, искренне обрадовалась, а когда его прочитали мне, расплакалась от волнения и счастья. Может, никогда так не жалела, что не умею читать, потому что хочется самой втайне от всех много-много раз перечитать Ваши такие искренние, сердечные слова.

По службе не скажешь так взволнованно и слов таких волнующих не отыщешь.

Значит, искренне уважаете Вы моего сына Николая, и за то Вам большое материнское спасибо. А что меня вспомнили, низко кланяюсь Вам: видно, Вы хорошо знаете, что доброе слово о сыне, о его работе — это высшая награда для матери.

У меня, кроме трех дочерей, четыре сына. И всех детей я вырастила без отца, вывела в люди. Один — подполковник, другой — учитель, директор школы, третий — кораблестроитель, четвёртый — кинорежиссёр, а сама я — обыкновенная колхозница. 30 лет проработала свинаркой, не умею ни читать, ни писать. Вот и это письмо диктую соседке, и если что не так, не обижайтесь. Если бы я умела сама писать, отыскала бы для Вас самые лучшие слова. А ещё признаюсь Вам: когда Коля сказал, что Вы такой крупный государственный деятель и вспомнили обо мне, нашли время написать такое по-сыновнему нежное письмо, я не поверила. Как в самом деле могла я поверить, что заместитель председателя Совета Министров Болгарии, министр культуры, может написать мне, простой свинарке, письмо, с таким уважением ко мне и с такой любовью к моему сыну!? Это праздник, и он уже останется со мной до конца моих дней.

И посылка ваша разволновала меня до слёз. Не тем, что в посылке, а тем, что в Вашей душе. Хоть, правда, такая одежда, обувь не могли мне даже присниться.

Вот диктую письмо, укутавшись пледом, и чувствую тепло Вашей души. Ещё раз благодарю Вас за Вашу доброту.

Для меня Вы отныне — мой пятый сын. И тоже родной.

Обнимаю Вас с материнской любовью и благодарностью.

Татьяна Кирилловна МАЩЕНКО

Прочитав мамино письмо, Георгий поймёт, почему я его называю не только другом, но и братом — мамино завещание.

Георгий Иорданов

Александр Василев Лилов

Не могу не вспомнить ещё одно событие, связанное с Георгием Иордановым и с Александром Лиловым — секретарём ЦК болгарской компартии, членом политбюро, человеком, которого любила вся Болгария за его исключительный ум, государственную мудрость и за мужскую красоту, обаяние.

Познакомил меня с ним Георгий после выхода на телеэкраны фильма «Путь к Софии». Смотрел он его в больнице, вскоре после тяжёлой операции. И всё же через восемь дней Георгий сообщил мне, что Александр Лилов ждёт меня в воскресенье в ЦК.

Эта воскресная встреча с ним произвела на меня неизгладимое впечатление.

Он мне показался Большой Энциклопедией истории Болгарии, культуры, искусства.

Когда он попал в немилость и был освобождён со всех занимаемых должностей, его поселили в научный институт, где он жил, занимался наукой. Никуда из того института он «не выходил», и к нему попасть было практически невозможно. Но Иорданов нашёл выход. Его водитель на очень старенькой, давно «не умытой» машине отвёз меня, пользуясь каким-то документом, до самого института. А там я должен был действовать по обстоятельствам.

Неожиданно охранники пропустили меня не как советского человека, не как почётного гражданина Софии, на что я надеялся, а как режиссёра фильмов «Как закалялась сталь» и «Путь к Софии», которые им нравились.

— Встреча незаконная, — предупредил начальник охраны. — Поэтому четыре минуты даю вам, не больше. Товарищ Лилов теперь большой учёный, и нельзя отрывать его от науки.

Встреча, в самом деле, была, как мне показалось, очень короткой. Но мы успели обнять друг друга, поговорить. Он поздравил меня с наградой — Орденом святых Кирилла и Мефодия, с наградой Софии.

— Во всём этом большая заслуга Георгия Иорданова.

— А он говорил, что Ваше слово было решающим.

Лилов улыбнулся:

— И эту встречу нашу мог рискнуть организовать только Георгий. Никто другой.

— А почему охрана отобрала у меня подарки, привезённые мной для Вас из Киева — «Горилку з перцем», вино «Перлина степу», «Наддніпряньське», украинское сало, буханку чёрного украинского хлеба?

— Я тут большой учёный, — шутя, ответил Лилов. — Бояться, чтобы не отравил меня кто-нибудь. Ведь держат тут меня исключительно для занятий наукой, а не для пьянства... Однако, вы не волнуйтесь: охрана меня любит. Ночью придут они с вашими подарками, и будем мы до утра распивать «Горилку з перцем» и закусывать украинским салом с чёрным хлебом.

Т. Живков, А. Лилов, Г. Иорданов, П. Матов и др. на фестивале юмора в Габрово. 1970-е

Вечером в ресторане Георгий Иорданов спросил меня:

— Каким Вам показался Александр Лилов в новых обстоятельствах?

— Воистину великий болгарин во всех обстоятельствах велик. А Лилов в нелёгких испытаниях, наказанный несправедливостью, показался мне ещё большим болгаринном, чем прежде.

В тот вечер мы выпили за него не одну рюмку.

Я кинорежиссёр, и всё, что может быть штрихами к портрету Иорданова, связано с фильмами, поставленными мной совместно с болгарскими мастерами киноискусства.

Георгий Иорданов сам искал возможности помогать мне в моей работе.

А съёмки фильма «Накануне» он инициировал лично.

И даже безошибочно порекомендовал на роль Инсарова талантливого актёра Генова.

Узнав о том, что я собираюсь снимать телефильм «Овод», пригласил меня и мою жену Зарочку послушать оперу «Тоска». Сказал, что есть в этой опере нечто схожее с «Оводом». Другая причина его приглашения заключалась в том, что с этой оперой приехала немецкая оперная труппа и главную роль революционера исполняет в недалёком прошлом болгарский священник, эмигрировавший в Германию.

Он-то, певец-священник, буквально потряс публику своим мастерством.

Это было действительно величайшее оперное искусство.

Весь вечер говорили об «Оводе», договорились, что в фильме будут сниматься многие болгарские актёры. На роль полковника Феррари Георгий Иорданов предложил Петера Слобакова, выдающегося болгарского артиста.

После «Овода» он зажгёт меня идеей снять телефильм «Спартак». Лично повёз в село Петричи к памятнику Спартаку.

— Спартак — фракиец, а Фракия наша. Это наш герой.

Надо отдать должное Георгию: если он за что-нибудь берётся, то доводит дело до конца. Непременно.

Закипела многотрудная подготовительная работа. За несколько дней до распада СССР я получил наконец телеграмму из Болгарии, конкретно, со студии «Бояна», в которой, в частности, сообщалось: «... Всё готово к съёмкам “Спартака” — ждём Вашего приезда...» Я начал собираться в долгую дорогу.

Крах советской державы не дал возможности осуществить мою мечту о фильме, посвящённом величайшему герою — борцу за свободу, Спартаку. Волнение моё было беспредельным. Георгий пришёл мне на помощь.

За короткий срок собрал много материалов для другого фильма. Тоже о великом болгарине — Георгии Раковском, легендарном революционере, который четыре года (с 1919 по 1923 гг.) возглавлял правительство Украины!

Я этого не знал. И не только я: эта глава украинской истории была сокрыта от народа лично Сталиным, с которым первым начал «войну» именно Георгий Раковский. Впоследствии борьба со Сталиным стоила ему жизни.

Среди материалов, переданных мне Иордановым, я, в частности, вычитал любопытное признание самого Г. Раковского: «Я лично принадлежу пяти странам: Болгарии, Румынии, России, Украине и Франции.» А французский социалист Андре Моризе, хорошо знавший Раковского, назвал его «всемирным гражданином».

Многого тогда я не знал о Раковском, но предложение Георгия Иорданова было для меня святым, и я зажёгся идеей создания фильма, разумеется, совместно с Болгарией, о великой и трагической судьбе уникального сына Болгарии Георгии Раковском. Теперь я знаю о нём почти всё. Словом, я готов к съёмкам этого фильма.

Искренне уверен в том, что фильмом «Болгарин — украинский премьер» допишу портрет Георгия Иорданова, великого болгарина, моего друга и брата...

Анастасія ПАЩЕНКО
старший науковий співробітник Музею театального,
музичного і кіномистецтва України

ОСОБЛИВОСТІ ЧАСОПРОСТОРУ В ІСТОРИЧНИХ ФІЛЬМАХ ІВАНА КАВАЛЕРІДЗЕ

І. П. Кавалерідзе відомий як режисер-новатор. Передусім в його творчості привертає увагу не раз відзначене дослідниками поєднання скульптури та кіномистецтва. Сам режисер докладно розповідав про втілення принципів скульптурності в кіно, передусім в своєму кінодебюті «Злива». Також чимало уваги цій темі приділено у його статті «Ми розносники нової віри» та спогадах «Тіні швидко біжучих хмар».

Услід за ним значну увагу художнім пошукам у фільмах режисера приділяли у численних монографіях і статтях дослідники його творчості та біографи: Н. Капельгородська, С. Зінич, Р. і О. Синько; у тому чи іншому об'ємі зачіпали цю тему й інші автори, зокрема Л. Лінгарт (якому належить монографія, присвячена митцю), І. Корнієнко, Т. Медведєв та ін. Якщо говорити про увагу до особливостей авторського часопростору у фільмах І. Кавалерідзе, цей аспект у своїх текстах зачіпали В. Слободян (зв'язок різних часів; епічний ритм кінооповіді [1]), О. Синько (роль рельєфу у площинних образах кіно; поєднання кількох образів в одній точці простору, як у сцені з іконою в «Зливі» [2]), І. Зубавіна (передусім в контексті експресіонізму у «Зливі» [3]).

Враховуючи складність поняття «часопростір», звернімося до його особливостей у фільмах І. Кавалерідзе на двох рівнях — стильовому і сюжетному, від загальних принципів побудови кінотексту до безпосереднього відображення в стрічці значущих локусів (поле, гори, ярмарок), і, нарешті, специфіки історичного часу у фільмах.

«Монументальність» як особлива форма кінематографічного часопростору

Характеризуючи задум «Зливи», свого режисерського дебюту (багато в чому програмного), І. Кавалерідзе писав: «Офорти... Світло, тінь — потужна мова... Світло — різець скульптора... Природа скульптури, закоханість у форму міцну, лаконічну, монументальну тягне на гріх, на суперечки зі старими традиціями» [4]. Перенесення естетики «скульптурності» в кінематограф стане характерним і для наступ-